

A close-up photograph of a man's face as he looks through a pair of binoculars. The binoculars are held in front of his eyes, and the view through the left lens is a glowing orange and red scene with a dark silhouette of a wolf howling. The background is dark and out of focus, showing a blue vertical element on the left.

ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР

ДЕЛО О ВОЮЩЕЙ
СОБАКЕ

Эрл Стенли Гарднер
Дело о воющей собаке
Серия «Перри Мейсон», книга 4
Серия «Эксклюзив: лучшие детективы»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65578461
Дело о воющей собаке: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-127269-2

Аннотация

Перри Мейсон – король перекрестного допроса, кумир журналистов и присяжных, гений превращения судебного процесса в драматический спектакль. А за королем следует его верная свита, всегда готовая помочь, – секретарша Делла Стрит и частный детектив Пол Дрейк.

Ночной кошмар любого адвоката – жалоба клиента на собачий вой в соседском доме – неожиданно становится одним из самых необычных дел в карьере Перри Мейсона.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	40
Глава 5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Эрл Стенли Гарднер

Дело о воющей собаке

Erle Stanley Gardner

**PERRY MASON: THE CASE OF THE HOWLING
DOG**

© Erle Stanley Gardner, 1934

© Перевод. В. Вебер, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Глава 1

– Проходите, мистер Картрайт. – Делла Стрит открыла дверь. – Мистер Мейсон ждет вас.

Высокий широкоплечий мужчина кивнул и прошел в кабинет.

– Вы – Перри Мейсон? – спросил он. – Адвокат?

– Да, – ответил Мейсон. – Садитесь, пожалуйста.

Мужчина упал в кресло, достал сигареты, сунул одну в рот и протянул пачку Мейсону. Задумчиво поглядев на дрожащую руку, тот отрицательно покачал головой:

– Благодарю вас, я предпочитаю другую марку.

Мужчина торопливо сунул сигареты в карман, зажег спичку и, опершись локтем о ручку кресла, прикурил.

– Моя секретарша сообщила мне, – неторопливо заметил Мейсон, – что вы хотели поговорить со мной о собаке и завещании.

– О собаке и завещании, – как эхо откликнулся мужчина.

– Хорошо. Сначала займемся завещанием, так как в собаках я мало что смыслю. – Мейсон пододвинул к себе блокнот и взял авторучку. – Ваше имя?

– Артур Картрайт.

– Возраст?

– Тридцать два года.

– Место жительства?

– Милпас-драйв, 4893.

– Женаты, холосты?

– Разве это имеет значение?

– Да, – ответил Мейсон, взглянув на клиента.

– Для завещания это не существенно, – упорствовал тот.

– Тем не менее.

– Но я же сказал, что это не имеет отношения к моему завещанию.

– Как зовут вашу жену?

– Паола Картрайт.

– Она живет с вами?

– Нет.

– Тогда где?

– Мне это не известно.

Мейсон оторвался от блокнота.

– Хорошо, – сказал он после непродолжительного молчания, – прежде чем мы вернемся к подробностям вашей семейной жизни, давайте поговорим о том, что вы собираетесь делать с вашим состоянием. У вас есть дети?

– Нет.

– Кому вы хотите оставить ваше состояние?

– Сначала скажите мне, сохраняет ли завещание силу вне зависимости от того, как умер человек, написавший его?

Перри Мейсон молча кивнул.

– Допустим, – продолжал Картрайт, – человек умер на виселице или на электрическом стуле. По приговору суда за

совершенное убийство. Что произойдет с его завещанием?

– На юридическую силу завещания не влияет, каким образом расстался с жизнью написавший его человек, – ответил Мейсон.

– Сколько свидетелей должны заверить завещание?

– Двое – при одних обстоятельствах и ни одного – при других.

– Что вы имеете в виду?

– Если завещание напечатано на машинке и подписано вами, то подпись заверяется двумя свидетелями. Если завещание целиком написано от руки, включая дату и подпись, и не содержит ни одного печатного слова, то, по законам этого штата, свидетели не требуются. Такое завещание имеет юридическую силу и обязательно к исполнению.

Артур Картрайт облегченно вздохнул.

– Ну что ж, с этим, по крайней мере, все ясно.

– Кому вы хотите оставить свое состояние? – повторил Мейсон.

– Миссис Клинтон Фоули, проживающей по Миллс-драйв, 4889.

Мейсон удивленно поднял брови:

– Соседке?

– Соседке, – подтвердил Картрайт.

– Очень хорошо. Но учтите, Картрайт, вы говорите со своим адвокатом. У вас не должно быть от меня секретов. Не беспокойтесь, все сказанное здесь, останется между нами.

– Я и так ничего не скрываю! – нетерпеливо воскликнул Картрайт.

– Я в этом не уверен, – спокойно заметил Мейсон. – Однако вернемся к вашему завещанию.

– Я уже все сказал.

– Как – все?

– Мою собственность я завещаю миссис Клинтон Фоули.

Перри Мейсон положил ручку на стол.

– Тогда перейдем к собаке.

– Собака воеет.

Мейсон поощряюще кивнул.

– В основном она воеет ночью, но иногда и днем. Этот вой сводит меня с ума. Вы же знаете, собаки воют, если кто-то умер.

– Где находится эта собака?

– В соседнем доме.

– То есть с одной стороны вашего дома живет миссис Клинтон Фоули, а с другой – воющая собака?

– Нет. Собака воеет в доме Клинтона Фоули.

– Понятно, – кивнул Мейсон. – Расскажите мне обо всем, мистер Картрайт.

Посетитель вдавил окурок в пепельницу, встал, прошелся по кабинету и вернулся к креслу.

– Послушайте, я хотел бы задать вам еще один вопрос насчет завещания.

– Я слушаю.

– Допустим, миссис Клинтон Фоули в действительности не миссис Клинтон Фоули.

– Что вы хотите этим сказать?

– Допустим, она живет с мистером Клинтоном Фоули как законная жена, но их брак официально не зарегистрирован.

– Это не имеет значения, – неторопливо ответил Мейсон, – если в своем завещании вы охарактеризуете ее как «миссис Клинтон Фоули, проживающую с Клинтоном Фоули по адресу: Милпас-драйв, 4889». Другими словами, завещатель имеет право оставить свою собственность любому. Однако необходимо, чтобы завещание четко определяло его намерения. Например, очень часто мужчины оставляют наследство своим женам, а потом оказывается, что официально они не расписаны. Иногда наследство оставлялось сыновьям, которые не были сыновьями...

– Это меня не интересует, – раздраженно перебил его Картрайт. – Я хочу знать, как обстоит дело в моем конкретном случае. Должна ли миссис Клинтон Фоули быть законной женой Клинтона Фоули?

– Это не обязательно.

– А если, – глаза Картрайта превратились в щелочки, – существует настоящая миссис Фоули? Если Клинтон Фоули женат и не разведен со своей законной супругой, а я завещаю свою собственность миссис Клинтон Фоули, проживающей с ним в одном доме?

– Я уже объяснил вам, – терпеливо ответил Мейсон, – что

главное – это намерения завещателя. Вполне достаточно, если вы напишете, что оставляете вашу собственность женщине, которая проживает по указанному адресу как жена мистера Клинтона Фоули. Но, как я понимаю, мистер Фоули еще жив?

– Разумеется, он жив. Он мой сосед.

– Понятно. И мистер Фоули знает, что вы собираетесь оставить наследство его жене?

– Конечно нет, – отрезал Картрайт. – Ему ничего не известно. Разве он должен об этом знать?

– Нет. Меня просто интересовала эта подробность.

– Он ничего не знает и не будет знать.

– Хорошо, с этим все ясно. Перейдем к собаке.

– Вы должны что-то сделать с этой собакой.

– Ваши предложения?

– Я хочу, чтобы мистера Фоули арестовали.

– На каком основании?

– На том основании, что собачий вой сводит меня с ума.

Это какая-то пытка. Он научил ее выть. Раньше собака не выла. Она начала выть лишь одну или две ночи назад. Он специально раздражает меня и свою жену. Она больна, а собака воеет, как перед чьей-то смертью. – Картрайт замолчал, тяжело дыша.

Мейсон покачал головой:

– К сожалению, мистер Картрайт, я не смогу вам помочь.

В настоящее время я очень занят. К тому же только что за-

кончился один трудный судебный процесс.

– Знаю, знаю, – перебил его Картрайт. – И вы думаете, что я псих. Вы считаете, что я предлагаю вам какую-то мелочь. Это не так. Я предлагаю вам заняться очень важным делом. Я и пришел к вам именно потому, что вы выиграли тот процесс. Я следил за его ходом, даже бывал в зале суда, чтобы послушать вас. Вы настоящий адвокат. Каждый раз вы опережали прокурора минимум на один ход.

Мейсон слабо улыбнулся.

– Благодарю за добрые слова, мистер Картрайт, но вы должны понимать, что я судебный адвокат. Составление завещаний – не мой профиль, а все, что касается собаки, можно урегулировать и без вмешательства адвоката.

– Нет! – воскликнул Картрайт. – Вы не знаете Фоули. Вы не представляете, что это за тип. Может быть, вы думаете, что у меня нет денег? У меня есть деньги, и я вам хорошо заплачу. – Он вынул из кармана туго набитый бумажник, открыл его, дрожащей рукой достал три купюры и положил их на стол. – Триста долларов. Это задаток. Потом вы получите гораздо больше.

Пальцы Мейсона барабанили по столу.

– Мистер Картрайт, – медленно произнес он, – если вы хотите, чтобы я представлял вас как адвокат, прошу учесть следующее: я собираюсь делать лишь то, что, по моему убеждению, принесет вам пользу. Это понятно?

– Именно на это я и рассчитываю.

– То есть я сам буду решать, что следует предпринять для наиболее полной защиты ваших интересов.

– Хорошо, – ответил Картрайт.

Мейсон взял со стола деньги и положил их в карман.

– Договорились. Я буду представлять вас в этом деле. Значит, вы хотите, чтобы Фоули арестовали?

– Да.

– Ну что ж, это не так уж сложно. Вы должны подать жалобу, и судья напишет ордер на арест. Но почему вы обратились ко мне? Вы хотите, чтобы я выступал в роли представителя истца?

– Вы не знаете Фоули, – сказал Артур Картрайт. – Он этого так не оставит. Он подаст на меня в суд за ложное обвинение. Может быть, он заставляет собаку выть, чтобы заманить меня в ловушку.

– Какой породы собака?

– Большая немецкая овчарка.

Перри Мейсон взглянул на Картрайта и улыбнулся:

– Если ответчик предварительно обратился к адвокату, рассказав ему все без утайки, и в дальнейшем следовал его советам, то при судебном разбирательстве дела о ложном или преднамеренном обвинении это говорит в пользу ответчика. А теперь я хочу сделать так, чтобы у Клинтон Фохли не было повода подать на вас в суд. Я отведу вас к помощнику окружного прокурора, ведающему подобными вопросами. Я хочу, чтобы вы повторили ему все, что касает-

ся собаки. О завещании можно не упоминать. Если он решит, что сказанного вами достаточно для получения ордера на арест, то он будет выписан. Но предупреждаю заранее, вы не должны ничего скрывать. Выложите перед ним все факты, и тогда любой иск Фоули не причинит вам вреда.

Картрайт облегченно вздохнул.

– Вот теперь вы говорите дело. Именно такой совет мне и требовался. Где нам найти этого помощника прокурора?

– Сейчас я позвоню ему и договорюсь о встрече, – ответил Мейсон. – Прошу меня извинить, я должен на минуту вас покинуть. Чувствуйте себя как дома.

– Постарайтесь договориться с ним на сегодня. Я не вынесу еще одной ночи с воющей собакой.

Когда Мейсон выходил из кабинета, Картрайт достал сигарету. Чтобы прикурить, ему пришлось придерживать руку со спичкой другой рукой.

В приемной Делла Стрит подняла голову.

– Рогоносец? – спросила она.

– Не знаю, – ответил Мейсон, – но попытаюсь это выяснить. Соедини меня с Питом Доркасом. Я собираюсь передать ему это дело.

Пока Делла набирала номер, Мейсон стоял у окна, глядя в бетонный колодец, откуда доносился далекий шум транспорта.

– Доркас на проводе.

Мейсон повернулся и, подойдя к столу, стоящему в углу

приемной, снял трубку.

– Привет, Пит. Это Перри Мейсон. Я приведу к вам своего клиента, но хочу, чтобы вы знали заранее, о чем пойдет речь.

– Что ему нужно?

– Он хочет подать жалобу.

– По какому поводу?

– Насчет воющей собаки.

– На...

– Да, да, воющей собаки. Мне кажется, в нашем округе действует постановление, запрещающее держать воющую собаку в населенной зоне.

– Вроде бы да, но на него никто не обращал внимания. Мне, во всяком случае, не приходилось сталкиваться с подобными жалобами.

– Тут особый случай. Мой клиент сходит с ума от этого воя или уже чокнулся.

– Из-за воющей собаки?

– Именно это я и хочу выяснить. Если мой клиент нуждается в медицинской помощи, я бы хотел, чтобы он ее получил. Вы же понимаете, у одного вой собаки вызывает лишь легкое раздражение, а другого действительно может свести с ума.

– Это точно, – согласился Доркас. – Вы приведете его ко мне?

– Да. И я хочу, чтобы наша беседа проходила в присутствии психиатра. Не надо говорить, что он врач. Представьте

его как своего ассистента, и пусть он задаст пару-тройку вопросов. Тогда, вероятно, нам станет яснее психическое состояние моего клиента.

– Я вас жду, – после короткой паузы сказал Доркас.

– Мы будем через пятнадцать минут, – и Мейсон положил трубку.

Глава 2

– Познакомьтесь с мистером Купером, – сказал Доркас, поздоровавшись с Мейсоном и Картрайтом. – Это мой ассистент.

Толстяк, сидевший у стола, встал и, широко улыбаясь, пожал руку Картрайту.

– Ну, можно начинать, – заметил Мейсон.

– Прошу садиться. – Доркас, высокий лысеющий мужчина, опустился в кресло. – Мистер Мейсон, объясните, в чем суть дела.

– У Клинтона Фоули, соседа мистера Картрайта, проживающего на Милпас-драйв, 4889, есть большая овчарка, которая воеет.

– Ну, – улыбнулся Доркас, – любая собака может завывать.

Артур Картрайт сунул руку в карман, достал пачку сигарет и после секундного колебания убрал ее обратно. Глаза Купера неотступно следили за его движениями.

– Этого человека необходимо арестовать! – заявил Картрайт. – С этим пора кончать! Вы слышите? Собака не должна выть.

– Ну разумеется, – согласился Мейсон. – Именно за этим мы и пришли сюда, мистер Картрайт. Расскажите, пожалуйста, всю историю.

– Нет тут никакой истории. Собака воеет, вот и все.

– Непрерывно? – спросил Купер.

– Да! То есть не совсем непрерывно, а через какие-то интервалы. Как будто вы не знаете, как воеет собака. Черт побери! Она воеет, потом замолкает и начинает выть снова.

– Что же заставляет ее выть? – поинтересовался Купер.

– Не что, а кто. Фоули, – уверенно ответил Картрайт.

– А почему? – не унимался Купер.

– Потому что Фоули знает, что этим действует мне на нервы. Вой означает чью-то смерть, а его жена тяжело больна. С этой собакой надо покончить!

Доркас коснулся толстой книги в черном кожаном переплете.

– В нашем округе действует постановление, согласно которому нарушение тишины собаками, кошками, коровами, лошадьми, цыплятами, белками, цесарками и прочей живностью рассматривается как судебно наказуемый проступок.

– Так чего же вам еще надо! – воскликнул Картрайт.

Доркас рассмеялся:

– Мне ничего не надо. Лично я тоже не люблю воющих собак. Указанное постановление и принималось для того, чтобы вынести птичники, псарни и конюшни подальше от жилой зоны. Однако Милпас-драйв – очень тихий район. Дома там довольно дорогие. Какой ваш адрес, мистер Картрайт?

– 4893.

– А Фоули живет в доме 4889?

– Да.

– И тем не менее ваши дома стоят рядом?

– Совершенно верно.

– У него большой участок?

– Да.

– А у вас?

– Средних размеров.

– Фоули богат?

– Разве это имеет значение? – рассердился Картрайт. –

Разумеется, богат. Иначе он бы там не жил.

– С одной стороны, это действительно не имеет значения, – согласился Доркас. – Но вы должны понимать, что в прокуратуре ничего не должно делаться второпях. Мне бы не хотелось без всякого предупреждения арестовывать уважаемого гражданина нашего города. А если сначала я укажу ему, что подобные нарушения порядка караются по закону?

– Это не поможет, – покачал головой Картрайт.

– Мой клиент, – вмешался Мейсон, – хочет, чтобы все было по справедливости. Вам, Доркас, виднее, как поступить в данном случае, но я настаиваю на том, чтобы при любых обстоятельствах собака перестала выть. Вы же видите, что мой клиент очень нервничает. Исключительно из-за собачьего воя.

– Я не нервничаю, – возразил Картрайт. – Немного волнуясь, и все.

– Я полагаю, – продолжал Доркас, – главное для нас не наказание, а профилактика правонарушений. Мы напишем

мистеру Фоули письмо, в котором сообщим, что к нам поступила жалоба, и напомним ему, что, согласно действующему постановлению, из-за собачьего воя его могут привлечь к судебной ответственности. И добавим, что собаку необходимо отправить в питомник, если она больна, или вызвать к ней ветеринара. – Он взглянул на Картрайта. – Давно эта собака появилась у мистера Фоули?

– По крайней мере, она живет у него последние два месяца, с тех пор как я поселился на Милпас-драйв.

– А раньше она не была?

– Нет.

– Когда это началось?

– Две ночи назад.

– Как я понимаю, вы в натянутых отношениях с мистером Фоули? Во всяком случае, вы не пойдете к нему домой и не попросите успокоить бедное животное?

– Нет, я этого не сделаю.

– А как насчет телефонного звонка?

– Нет.

– А если я напишу ему письмо?

– Вы не знаете Фоули. Он порвет письмо и заставит собаку выть еще громче. Он лишь посмеется, радуясь, что сумел мне насолить. Он покажет письмо жене, и... – Картрайт замолчал на полуслове.

– Продолжайте, – Доркас улыбнулся. – Что еще он может сделать?

– Ничего, – пробурчал Картрайт.

– Мне кажется, – заметил Мейсон, – нас вполне устроит, если вы, мистер Доркас, напишете ему письмо и укажете в нем, что вам придется выписать ордер на арест, если собака не прекратит вить.

– Разумеется, я упомяну об этом, – кивнул помощник окружного прокурора.

– Однако по почте письмо не дойдет до завтрашнего дня, даже если вы отправите его сразу после нашего ухода. И я предлагаю послать его с судебным исполнителем. Пусть он вручит письмо лично мистеру Фоули или, в его отсутствие, кому-то из домочадцев. Тогда мистер Фоули поймет, что закон поддерживает жалобу мистера Картрайта.

Картрайт задумался, а потом кивнул.

– Хорошо, я согласен. Я хочу, чтобы Фоули немедленно послали письмо.

– Как только его напечатают, – заверил его Мейсон.

– Ладно-ладно, я оставляю это вам. Я поеду домой. Вы представляете мои интересы, мистер Мейсон. Проследите, чтобы письмо было отправлено. Вы это сделаете?

– Конечно. Поезжайте домой и не волнуйтесь.

Картрайт встал.

– Благодарю вас, господа. Очень рад был с вами познакомиться. Прошу извинить меня за некоторую нервозность. В последнее время я почти не спал, – и он вышел из кабинета.

– Ну? – Доркас повернулся к доктору Куперу.

– Я не хотел бы ставить диагноз на основании столь ограниченной информации, – начал тот, – но, как мне кажется, мы имеем дело со случаем маниакально-депрессивного психоза.

– Звучит достаточно серьезно, – улыбнулся Мейсон, – но не равнозначно ли это нервному расстройству?

– Нет такого понятия, как нервное расстройство, – возразил доктор Купер. – Это общераспространенное выражение, употребляемое при эндогенных и органических формах психоза.

– Хорошо, – не сдавался Мейсон, – давайте подойдем с другой стороны. Человек, страдающий маниакально-депрессивным психозом, не является сумасшедшим, так ли?

– Он не совсем нормален.

– Но и не сумасшедший?

– Вопрос в том, что вы подразумеваете под этим словом. Юридически – нет, если вас интересует, будет ли он нести ответственность за совершенное преступление.

– Нет, я говорю о другом. Это душевное заболевание, не так ли?

– Совершенно верно.

– И излечимое?

– Да.

– Очень хорошо. А теперь давайте избавимся от воющей собаки.

– Кстати, – заметил Доркас, – кроме ничем не подтвер-

жденного заявления Картрайта, у нас нет доказательств того, что собака действительно выла.

– Ерунда. Вы же не выписываете ордер на арест. Пошли-те Фоули уведомление о том, что его обвиняют в нарушении такого-то постановления, и объясните ему, о чем идет речь. Если собака воет, он ее успокоит, если нет – позвонит по телефону и скажет об этом. – Мейсон повернулся к доктору Куперу: – Воющая собака не может оказаться галлюцинацией?

– При маниакально-депрессивном психозе у больных бывают галлюцинации, но при этом заболевании более характерны резкие смены настроения.

Мейсон взглянул на часы.

– Давайте пригласим стенографистку, продиктуем уведомление и отправим его по назначению.

Доркас многозначительно взглянул на доктора Купера. Тот согласно кивнул, и помощник прокурора нажал на кнопку.

– Хорошо. Я продиктую уведомление и подпишу его.

Глава 3

Когда Перри Мейсон появился в приемной, Делла Стрит заканчивала разбор почты.

– Доброе утро, – поздоровался он. – Что новенького, Делла?

– Письмо от мужчины, который вчера приходил сюда.

– Какого мужчины?

– Который жаловался на собачий вой.

– А, – улыбнулся Мейсон. – Картрайт. Интересно, спал ли он этой ночью?

– Письмо доставлено специальным посыльным. Должно быть, его отправили около полуночи.

– Что-нибудь еще насчет собаки?

– Он прислал завещание и... – Делла оглядела приемную, будто опасаясь, что кто-то услышит ее слова, – десять тысячедолларовых банкнот.

– Десять тысяч наличными? – удивленно переспросил Мейсон.

– Да.

– Посланы по почте?

– Да.

– Ценным письмом?

– Нет, но со специальным посыльным.

– Черт побери!

Делла Стрит, встав из-за стола, подошла к сейфу, достала пухлый конверт и передала его Мейсону.

– Ты говоришь, он прислал завещание?

– Да.

– А письмо?

– Скорее, короткую записку.

Мейсон вытащил банкноты, внимательно осмотрел их и сунул в карман.

Затем он прочел вслух записку Картрайта:

«Уважаемый мистер Мейсон!

Я видел Вас во время последнего процесса и убедился, что Вы честный человек и настоящий боец. Прошу Вас заняться этим делом. В конверт я кладу десять тысяч долларов и завещание. Деньги – задаток. Я хочу, чтобы Вы представляли лицо, указанное в завещании, в пользу которого оставлена моя собственность, и защищали его интересы. Теперь я знаю, почему выла собака.

Я написал завещание согласно Вашему совету. Возможно, Вам не придется отстаивать его в суде или защищать интересы моего наследника. В противном случае Вы получите десять тысяч плюс триста долларов, переданные Вам вчера.

Благодарю за оказанную мне помощь.

Искренне Ваши

Артур Картрайт».

Перри Мейсон с сомнением покачал головой и достал из

кармана сложенные банкноты.

– Мне хотелось бы оставить эти деньги у себя.

– Так оставь! – воскликнула Делла. – Почему бы и нет!

Ведь в письме говорится, что это задаток.

Мейсон вздохнул и положил банкноты на стол.

– Этот Картрайт – сумасшедший, натуральный сумасшедший.

– С чего ты это взял? – спросила Делла.

– Это не вызывает никаких сомнений.

– Но вчера ты так не думал?

– Да, мне показалось, что он очень взволнован.

– Но ты не принял его за сумасшедшего?

– Ну, не совсем.

– А сегодня, после получения письма, ты решил, что он псих?

– Видишь ли, Делла, в наши дни расчет наличными – это отклонение от нормы. Этот человек за последние двадцать четыре часа дважды расплатился со мной именно наличными, причем десять тысяч он прислал простым письмом.

– Вероятно, у него не было возможности послать их иначе.

– Возможно, – согласился Мейсон. – Ты прочитала завещание?

– Нет. Как только я увидела, что лежит в конверте, я положила его в сейф.

– Очень хорошо. Давай посмотрим, что он там пишет.

Мейсон развернул лист бумаги с надписью «Последнее за-

вещание Артура Картрайта» и, прочитав написанное, медленно кивнул:

– Ну что ж, отличное завещание. Все написано от руки: дата, подпись и прочее.

– Он оставил что-нибудь тебе? – полюбопытствовала Делла. – Или я не должна об этом знать?

Мейсон хмыкнул.

– Разумеется, – ответил он. – Ты должна знать об этом. Мой метод ведения судебных процессов несколько отличается от общепринятого, в результате чего меня вполне могут пристрелить. Поэтому я хочу, чтобы впоследствии ты смогла разобраться в моих делах. Итак, он оставляет львиную долю своего состояния одному лицу, женщине, а мне – десять процентов от наследства при условии, что я буду представлять эту женщину по любым правовым проблемам, которые могут возникнуть в связи с завещанием, смертью завещателя или с ее семейными взаимоотношениями.

– Широкое поле деятельности, не так ли? – заметила Делла.

– Этот человек, – задумчиво продолжал Мейсон, – или писал под диктовку опытного адвоката, или обладает острым умом. Сумасшедший не способен составить подобное завещание. Все логично и взаимосвязано. Девять десятых наследства отходят миссис Клинтон Фоули, остальное – мне. Он оговаривает... – Брови Мейсона медленно поползли вверх.

– В чем дело? – забеспокоилась Делла. – Что-нибудь серьезное? Ошибка в завещании?

– Нет, – медленно ответил Мейсон, – ошибки нет. Но есть нечто очень странное.

Он подошел к двери, ведущей в коридор, и запер ее на ключ.

– Никаких посетителей, Делла, пока мы не разберемся с этим делом.

– Так что же произошло?

– Вчера, – Мейсон понизил голос до шепота, – этот человек говорил, что хочет оставить свою собственность миссис Клинтон Фоули, и беспокоился, не отразится ли на завещании тот факт, что женщина, проживающая с Фоули как миссис Клинтон Фоули, в действительности не является его женой.

– То есть их брак не зарегистрирован, – уточнила Делла.

– Совершенно верно. Итак, вчера его интересовал вопрос, получит ли наследство женщина, проживающая по определенному адресу и указанная в завещании как миссис Клинтон Фоули, если потом выяснится, что она лишь прикрывается этим именем. Выходит, Картрайт не сомневался, что под именем миссис Клинтон Фоули скрывается другая женщина. И я объяснил ему, что для определения лица, в пользу которого оставляется собственность, достаточно указать в завещании известные завещателю имя и адрес этого человека, например, описав его как женщину, проживающую с

Клинтоном Фоули на Милпас-драйв, 4889, под именем миссис Клинтон Фоули.

– Он так и сделал? – поинтересовалась Делла.

– Нет. – Мейсон покачал головой. – Он оставил наследство миссис Клинтон Фоули, законной супруге Клинтона Фоули, проживающего в этом городе на Милпас-драйв, 4889.

– Так что изменилось?

– Все. Если окажется, что женщина, проживающая с Клинтоном Фоули, не расписана с ним, она ничего не получит. Наследство оставлено законной жене Клинтона Фоули, а адрес определяет местожительство самого Фоули, а не его жены.

– Ты думаешь, что Картрайт неправильно истолковал твои слова?

– Не знаю, – нахмурился адвокат. – Во всяком случае, в остальном он не ошибся. Поищи Картрайта по телефонному справочнику. Милпас-драйв, 4893. У него должен быть телефон. Немедленно свяжись с ним. Скажи, что это очень важно.

Не успела она протянуть руку к телефонному аппарату, как раздался звонок.

– Приемная Перри Мейсона, – ответила Делла, сняв трубку, и, послушав несколько секунд, добавила: – Одну минуту.

– Это Пит Доркас, – сказала она, прикрыв трубку рукой. – Он хочет срочно поговорить с тобой насчет Картрайта.

Мейсон взял трубку.

– Слушаю.

– Боюсь, Мейсон, – послышался скрипучий голос Доркаса, – мне придется отправить вашего клиента Картрайта в психиатрическую лечебницу.

– Что он еще натворил?

– Скорее всего, собачий вой – плод его больного воображения. Клинтон Фоули рассказал мне в чем дело и убедил меня, что этот Картрайт не только психически неустойчив, но и опасен, так как находится на грани того, чтобы переступить закон и совершить насилие.

– Когда вы говорили с Фоули? – спросил Мейсон, взглянув на часы.

– Только что.

– Он все еще у вас?

– Да.

– Хорошо. Задержите его на несколько минут. Как адвокат Картрайта, я имею право услышать рассказ Фоули. Я выезжаю немедленно.

Прежде чем Доркас успел возразить, Мейсон бросил трубку и повернулся к Делле Стрит.

– Повторяю, свяжись с Картрайтом. Скажи, что я должен встретиться с ним как можно быстрее. Ему необходимо уйти из дому и переехать в отель. Пусть он зарегистрируется под своим именем, а потом сообщит тебе название отеля. Попроси его держаться подальше от моей конторы и не возвра-

щаться домой прежде, чем я переговорю с ним. А сейчас я еду к окружному прокурору. Этот Фоули поднял шум...

Выскочив из такси, Мейсон быстрым шагом прошел мимо дежурного, бросив на ходу: «Пит Доркас ждет меня». Остановился перед дверью со скромной табличкой: «Пит Доркас» и постучал.

– Войдите! – крикнул помощник прокурора.

Мейсон повернул ручку и прошел в кабинет.

Крупный мужчина лет сорока, ростом не меньше шести футов, сидевший перед столом Доркаса, встал и оглядел Мейсона с головы до ног.

– Полагаю, вы – Перри Мейсон, – сказал он. – Адвокат мистера Картрайта.

Мейсон коротко кивнул.

– Да, я адвокат Картрайта.

– Я – Клинтон Фоули, его сосед. – Мужчина широко улыбнулся и протянул руку.

Мейсон взглянул на Доркаса и, шагнув вперед, пожал протянутую руку.

– Прошу извинить, что приходится отнимать ваше время, Пит. Но я должен быть в курсе событий.

– Нет у нас никаких событий, – резко ответил Доркас, – если не считать того, что вчера я полдня потратил на воющую собаку, которая, как выяснилось, никогда не выла, а теперь оказывается, что ваш Картрайт – сумасшедший.

– Почему вы думаете, что он сумасшедший?

– Почему я думаю, что он сумасшедший? – раздраженно переспросил Доркас. – Да вы сами вчера сказали мне об этом и попросили, чтобы наша встреча происходила в присутствии психиатра.

– Нет, – покачал головой Мейсон, – не извращайте моих слов, Доркас. Мне показалось, что у этого человека расшатаны нервы. И я попросил пригласить доктора, чтобы узнать квалифицированное мнение о психическом состоянии моего клиента.

– Как бы не так, – ехидно заметил Доркас. – Вы подумали, что он псих, и хотели это выяснить, прежде чем сунуть голову в петлю.

– Что значит «сунуть голову в петлю»? – возмутился Мейсон.

– Вы прекрасно понимаете меня. Вы приходите сюда с каким-то человеком, который требует арестовать богатого и уважаемого гражданина нашего города. Естественно, он стремится к тому, чтобы этот гражданин не оплатил ему той же монетой. Поэтому он и нанял вас. А вы посоветовали Картрайту не настаивать на аресте и согласиться с тем, что я вызову мистера Фоули к себе для профилактической беседы. Ну что ж, он приехал и рассказал мне много интересного.

Мейсон смотрел ему прямо в глаза:

– Я пришел сюда с честными намерениями. Я предупредил, что мой клиент нервничает. Он сам говорил мне об этом. Он сказал, что его нервирует собачий вой. В нашем

округе действует постановление, согласно которому хозяева животных, нарушающих тишину, привлекаются к судебной ответственности. Мой клиент вправе требовать, чтобы закон защитил его, даже если владельцем собаки оказался богатый человек со связями в...

– Но собака не выла! – воскликнул Доркас. – В этом-то и дело.

– Извините меня, господа! – вмешался Фоули. – Позвольте мне сказать пару слов.

Доркас кивнул:

– Мы вас слушаем.

– Я буду говорить откровенно, мистер Мейсон, – начал Фоули, – понимая, что вас интересуют только факты. Попутно я хочу отметить, что ваше стремление защитить права клиента не может не вызывать уважения.

Перри Мейсон медленно повернулся к Фоули.

– Давайте перейдем к фактам.

– У этого человека, Картрайта, несомненно, расстроена психика. Он арендовал соседний дом. Я уверен, что прежние хозяева даже не подозревали, с кем они связались. Его обслуживает одна глухая экономка. У него нет ни друзей, ни знакомых. Практически все время он проводит в доме.

– Это его право, – парировал Мейсон. – Может быть, ему не нравятся соседи.

Доркас вскочил на ноги.

– Послушайте, Мейсон, вы...

– Прошу вас, господа, – перебил его Фоули, – позвольте мне все объяснить. Я понимаю позицию мистера Мейсона. Он полагает, что я использовал политические связи, чтобы ущемить интересы его клиента.

– А разве это не так? – спросил адвокат.

– Нет, – улыбнулся Фоули. – Я лишь объяснил происходящее мистеру Доркасу. Ваш клиент, повторяю, очень странный человек. Он ведет жизнь отшельника и тем не менее постоянно шпионит за мной из окон своего дома. У него есть бинокль, и он следит за каждым моим шагом.

Доркас сел и, сунув сигарету в рот, закурил.

– Продолжайте, – сказал Мейсон. – Я вас слушаю.

– Мой повар, китаец, первым обратил на это внимание. Он заметил световые блики от линз бинокля. Поймите меня правильно, мистер Мейсон. Я считаю, что из-за расстроенной психики ваш клиент не отдает себе отчета в своих поступках. К тому же у меня есть свидетели, которые подтвердят каждое мое слово.

– Хорошо. И что из этого следует?

– Я собираюсь, – с достоинством произнес Фоули, – подать жалобу на непрерывную слежку, которой я подвергаюсь со стороны Картрайта. Из-за этого прислуга отказывается у меня работать. Эта слежка раздражает меня и моих гостей. Картрайт ни разу не зажег свет в окнах верхнего этажа своего дома. И каждый вечер с биноклем в руках он принимает к окну и шпионит за мной. Он опасный сосед.

– Однако человек не совершает преступления, если смотрит в бинокль, не так ли?

– Вы прекрасно понимаете, Мейсон, – заметил Доркас, – что речь идет совсем о другом. Картрайт – сумасшедший.

– С чего вы это взяли?

– Он жаловался на собачий вой, а собака не выла.

– У вас есть собака? – спросил Мейсон у Фоули.

– Разумеется, – ответил тот.

– И вы говорите, что она не воет?

– Нет.

– И не выла две ночи подряд?

– Нет.

– Я переговорил с доктором Купером, – вмешался Доркас. – Он считает, что нервное возбуждение Картрайта в сочетании с опасениями за свою жизнь, проявляющимися в слуховых галлюцинациях, а именно в собачьем вое, который, как известно, предрекает чью-то смерть, могут толкнуть этого человека на преступление.

– Значит, – насупился Мейсон, – вы собираетесь его арестовать?

– Пока я предлагаю проверить его психическое состояние.

– Ну что ж, путь открыт. Но я хочу напомнить: чтобы человека направили на психиатрическую экспертизу, кто-то должен написать такое распоряжение. И кто это сделает? Вы?

– Возможно.

– Я советую вам не торопиться.

– Почему?

– Прежде чем утверждать, что мой клиент – сумасшедший, вам необходимо получить более подробную информацию. Иначе вас ждут неприятности.

– Господа, господа! – воскликнул Фоули. – Пожалуйста, не ссорьтесь. В конце концов, главное сейчас – помочь бедняге Картрайту. Я не держу на него зла. Он ведет себя несколько странно, но я убежден, что это следствие душевного заболевания. И я хочу, чтобы специалисты проверили, прав я или нет. Если же Картрайт совершенно здоров, я, естественно, приму меры, которые отведут его от моих окон и собаки.

Доркас взглянул на Мейсона:

– Тут ничего не поделаешь, Перри. У Фоули развязаны руки. Вы привели Картрайта ко мне, чтобы предупредить встречный иск Фоули по поводу злонамеренного судебного преследования. Если бы ваш клиент представил нам факты во всей полноте, не возник бы вопрос о злоупотреблении им своими правами. Но он пытался нас дезинформировать.

Мейсон невесело рассмеялся.

– Вы стараетесь найти основание для судебного иска? – спросил он у Фоули.

– Нет, – ответил тот.

– Я лишь напоминаю вам обоим, что Картрайт не подал жалобы, а вы, Доркас, не выписали ордера на арест и решили

ограничиться письмом, не так ли?

– Юридически – да, – неторопливо произнес Доркас. – Но если этот человек сумасшедший, необходимо принять какие-то меры.

– Однако ваша уверенность в душевном заболевании моего клиента базируется лишь на заявлении мистера Фоули, который утверждает, что собака не выла.

– Естественно, но мистер Фоули говорит, что у него есть свидетели.

– Вот именно – говорит, – настаивал Мейсон. – И пока вы не допросите свидетелей, вы не определите, кто из них сумасшедший. Не исключено, что им окажется мистер Фоули.

Фоули засмеялся, но его глаза злобно сверкнули.

– Ну что ж, – вздохнул Доркас, – как понимаю, вы хотите, чтобы мы прежде всего провели расследование.

– Естественно, – улыбнулся Мейсон. – После разговора с моим клиентом вы лишь написали письмо. Если сегодня вы поступите так же, сообщив Картрайту, что, по утверждению мистера Фоули, он сумасшедший, я не буду возражать. Но если, основываясь лишь на словах мистера Фоули, вы начнете судебное преследование Картрайта, я встану на защиту его прав.

После минутного колебания Доркас снял телефонную трубку.

– ...Мне нужен Билл Пембертон... Привет... Билл?... Это Пит Доркас. Послушай, у нас тут возник небольшой кон-

фликт между двумя богачами с Милпас-драйв. Речь идет о воющей собаке. Один говорит, что собака воеет, другой это отрицает и утверждает, что первый – псих. Перри Мейсон оказался адвокатом этого психа и требует проведения расследования. Не мог бы ты прийти сюда и помочь нам? Отлично, мы тебя ждем.

Он положил трубку и взглянул на Мейсона.

– Учтите, Перри, вы сами затеяли это дело. И если выяснится, что ваш клиент – душевнобольной, я отправлю его в психиатрическую лечебницу. Если только вы не найдете родственников, чтобы они подыскали для него частную клинику.

– Вот тут я с вами полностью согласен, Доркас. Почему вы не начали с этого?

– С чего?

– Не посоветовали мне найти его родственников. Я ничего не имею против вас, Пит. Но когда дело касается моего клиента, я борюсь за него до последнего.

Доркас вздохнул и развел руками.

– Это уж точно. Поэтому с вами трудно поладить.

– Совсем наоборот, – улыбнулся Мейсон. – Особенно если с моим клиентом ведут честную игру.

– Не волнуйтесь, Мейсон, пока я здесь, с вашим клиентом обойдутся по справедливости. Билл Пембертон поедет на Милпас-драйв и все выяснит.

– Я хочу сопровождать его, – заявил Мейсон.

– Вы сможете поехать с ними, мистер Фоули? – спросил Доркас.

– Когда?

– Немедленно, – ответил Мейсон. – Чем быстрее, тем лучше.

– Хорошо. Я поеду с вами.

Открылась дверь, и в кабинет с добродушной улыбкой вошел тощий человек лет сорока пяти.

– Здравствуйте, все! – воскликнул он.

– Привет, Пембертон, – ответил Мейсон.

– Билл, – сказал Доркас, – познакомься с мистером Фоули.

Мистер Фоули – один из участников конфликта.

Помощник шерифа и Фоули обменялись рукопожатиями, и Пембертон повернулся к Мейсону:

– Так что у нас произошло?

– Воющая собака, – вздохнул тот.

– Не слишком ли много суеты вокруг одной собаки? Может, ей надо дать кусок мяса и она замолчит?

– Она уже замолчала, – рассмеялся Фоули. – В этом-то все и дело.

– По дороге они расскажут тебе, о чем идет речь. Итак, мистер Фоули представляет одну сторону, Мейсон – другую. Все началось с жалобы по поводу собачьего воя, а вылилось в слежку, манию преследования и тому подобное. Поезжай с ними и разберись на месте. Поговори со свидетелями, а о результатах доложи мне. Мой следующий шаг будет зависеть

от того, что ты выяснишь.

– Кто свидетели? – поинтересовался Пембертон.

Фоули вытянул руку и начал загибать пальцы.

– Во-первых, Картрайт, утверждающий, что собака воеет, и его экономка, которая, возможно, подтвердит его слова, хотя вы сами убедитесь, что она глуха, как пень. Потом моя жена. У нее грипп, но она уже выздоравливает. Она лежит в постели, но сможет поговорить с вами. Она знает, что собака не выла. И еще А Вонг, мой повар-китаец, и Тельма Бен-тон, домоправительница. Они тоже подтвердят, что собака не выла. И наконец, сам пес.

– Пес скажет мне, что он не выл? – ухмыльнулся Пембертон.

– Вы увидите, что Принц вполне доволен жизнью и никогда не станет выть.

Глава 4

– Здесь? – спросил Пембертон, подъезжая к тротуару.

– Да, – ответил Фоули, – но давайте проедем к гаражу, чтобы не мешать разгружать бетон. Я решил расширить гараж. Как раз сегодня они должны закончить.

– С кого мы начнем? – спросил Пембертон.

– Мне кажется, если вы поговорите с моей женой, вам больше никто не потребуется.

– Нет, мы встретимся со всеми. Как насчет повара-китайца? Он дома?

– Конечно. Его комната над гаражом.

– А где живет шофер?

– У меня нет шофера. Если надо, я сам сажусь за руль.

– Ну что ж, пойдём к китайцу. Мейсон, вы не возражаете?

– Нет, но я бы хотел, чтобы перед отъездом вы встретились с моим клиентом.

– Обязательно. Это его дом, мистер Фоули?

– Да, тот, что слева.

Они подъехали к гаражу, около которого трудились рабочие.

– Подождите меня здесь, – предложил Фоули, – а я приведу А Вонга.

Фоули направился к гаражу, но тут хлопнула дверь, и послышался женский голос: «О, мистер Фоули, я должна

немедленно поговорить с вами. У нас неприятности...» – Женщина осеклась на полуслове, увидев полицейскую машину.

– Что-нибудь с собакой? – спросил Пембертон.

– Я не знаю, – ответил Фоули и пошел к дому.

На пороге стояла молодая женщина лет двадцати семи, в домашнем платье и фартуке, с перевязанной правой рукой. Гладко зачесанные волосы, отсутствие косметики и скромный туалет не могли тем не менее скрыть ее красоты. Глаза Пембертона превратились в щелочки.

– Моя домоправительница, – пояснил Фоули.

– О, – многозначительно пробурчал Пембертон.

– Что случилось? – спросил Фоули, когда они подошли поближе.

– Принц укусил меня. Он заболел.

– Как это произошло?

– Я не знаю, по-моему, его отравили. Он вел себя очень странно. Я вспомнила, что вы говорили о соли, которую надо положить ему под язык, если он внезапно заболит. Я так и сделала, а он меня укусил.

Фоули взглянул на перевязанную руку.

– Сильный укус?

– Нет, мне кажется, ничего страшного.

– А где он сейчас?

– Я заперла его в спальне после того, как соль подействовала. Но я подумала, что вы должны знать об этом... об

отравлении.

– Ему лучше?

– Похоже что да.

– У него были спазмы?

– Нет, он лежал и дрожал. Я позвала его два или три раза, но он не реагировал. Было похоже, что он в ступоре.

Фоули кивнул и повернулся к мистеру Пембертону.

– Миссис Бентон, это мистер Пембертон, помощник шерифа, и мистер Мейсон, адвокат. Эти джентльмены расследуют жалобу, поданную одним из наших соседей.

– Жалобу? – удивленно переспросила миссис Бентон.

– Да, насчет того, что мы нарушаем тишину.

– Мы?

– Не мы сами, а...

– Одну минуту, – перебил его Пембертон. – Позвольте мне задать пару вопросов.

Женщина посмотрела на помощника шерифа, потом перевела взгляд на Фоули. Тот кивнул.

– В вашем доме живет полицейская овчарка по кличке Принц?

– Да, сэр.

– Давно она у вас?

– Конечно, сэр. Это собака мистера Фоули. Мы переехали сюда около года назад вместе с Принцем.

– Понятно. Собака воет?

– Воет? Нет, сэр. Правда, вчера Принц гавкнул на како-

го-то нищего, но он никогда не был.

– Не заметили ли вы странностей в поведении Принца?

– Ну, мне показалось, что его отравили, и я попыталась дать ему соли, как советовал мистер Фоули. Возможно, мне не следовало этого делать. Наверное, у Принца были спазмы и...

– Нет, я не об этом, – прервал ее Пембертон. – В последние дни вы не заметили ничего особенного в поведении собаки?

– Нет, сэр.

Пембертон повернулся к Мейсону.

– Не мог ли ваш клиент попытаться отравить собаку?

– Ни в коем случае, – решительно возразил тот.

– Учтите, – торопливо добавил Фоули, – что я не обвиняю Картрайта. Мне кажется, у него не поднялась бы рука на бедное животное.

– Однако кто-то подсыпал Принцу яда, – возразила миссис Бентон. – Я могу в этом поклясться. И ему полегчало лишь после соли.

– Зачем собакам дают соль? – спросил Пембертон у Фоули.

– Это сильное рвотное, – ответил тот.

– И вы клянетесь, что собака не выла? – Пембертон взглянул на домоправительницу.

– Конечно.

– Вы спите в доме?

– Да, на втором этаже.

– Кто здесь еще живет?

– А Вонг, повар, но он спит над гаражом. И миссис Фоули.

– Я думаю, мистер Пембертон, – вмешался Фоули, – вам лучше поговорить с моей женой. Она...

– Прошу меня извинить, – перебила его миссис Бентон, – я не хотела говорить в присутствии этих джентльменов, но вашей жены нет.

От изумления глаза Фоули чуть не вылезли из орбит.

– Как нет? Она не могла уйти! У нее же грипп.

– Тем не менее она уехала, – ответила миссис Бентон.

– О боже! Она же убьет себя. Разве можно выходить из дому, не поправившись после гриппа?

– Этого я не знаю, сэр.

– Миссис Фоули сказала, куда она поехала? Может быть, в магазин? Она не получала письма? Или что-то произошло? Да говорите же, черт побери! Почему вы молчите?

Домоправительница опустила глаза.

– Она взяла с собой чемодан.

– Чемодан?! – воскликнул Фоули. – Она поехала в больницу?

– Мне это неизвестно. Она ничего не сказала и лишь оставила записку.

Фоули взглянул на помощника шерифа.

– Вы позволите мне отлучиться на минуту?

– Конечно, – ответил Пембертон.

Фоули скрылся в доме, а Мейсон взглянул на миссис Бентон.

– Не ссорились ли вы с миссис Фоули непосредственно перед ее отъездом?

– Я не знаю, кто вы такой, – резко ответила домохозяйка, – и не обязана выслушивать ваши грязные инсинуации. – И, повернувшись, она исчезла за дверью.

– Ну что ж, – улыбнулся Пембертон, – вы свое получили.

– Женщина изо всех сил стремится скрыть свою красоту, – нахмурился Мейсон. – И довольно молода для домохозяйки. Возможно, во время болезни миссис Фоули произошли какие-то изменения, вызвавшие ее внезапный отъезд.

– Сплетничаете, Мейсон?

– Нет, просто размышляю.

– По какому поводу?

– Видите ли, тот, кто идет против моего клиента, должен подготовиться к серьезному сражению.

Скрипнула дверь, и на пороге вновь показалась миссис Бентон.

– Прошу меня извинить. Мистер Фоули просит вас в дом. Мне не следовало бы так горячиться.

– Пустяки, – улыбнулся Пембертон. – Это наша вина.

Миссис Бентон провела их на кухню. Маленький хрупкий китаец встретил их испуганным взглядом.

– Что случилось? – спросил он.

– Мы хотим узнать... – начал Мейсон, но Пембертон тут же перебил его:

– Одну минуту, Мейсон. С вашего разрешения я начну первым. Как тебя зовут?

– А Вонг.

– Ты повар?

– Поваль.

– Ты видел большую овчарку?

– Большую овсялку, – кивнул китаец.

– Она воет? Особенно по ночам?

Китаец отрицательно покачал головой.

– Собака не воет?

– Не воет.

Пембертон пожал плечами:

– Полагаю, этого достаточно. Как вы сами убедились, Мейсон, собака не выла. Ваш клиент чокнулся, и все дела.

– Я бы задавал вопросы несколько иначе, – заметил Мейсон.

– Ерунда. Я знаю, как говорить с китайцами. По-другому они не понимают. Иначе на все вопросы они будут кивать головой.

– Мистер Фоули просил подождать его в библиотеке, – прервала их спор домоправительница. – Он присоединится к вам с минуты на минуту.

Через столовую и гостиную она провела их в библиотеку. Вдоль стен выстроились полки с книгами, в центре стояли

огромный стол и удобные кожаные кресла. Тяжелые портьеры закрывали высокие окна.

– Присядьте, пожалуйста, – начала миссис Бентон, но тут распахнулась дверь, и на пороге появился Клинтон Фоули. Лицо его было перекошено, в руке он держал лист бумаги.

– Теперь все ясно, – прорычал он. – Нет нужды беспокоиться о собаке.

– После разговора с миссис Бентон и поваром я о ней не беспокоюсь, – спокойно ответил Пембертон. – Пожалуй, пора навестить Картрайта.

Фоули хрипло рассмеялся. Помощник шерифа нахмурился:

– Что-нибудь случилось?

– Моя жена нашла в себе силы убежать с другим мужчиной.

Пембертон и Мейсон обменялись удивленными взглядами.

– Возможно, вас заинтересует тот факт, – Фоули едва сдерживался, – что объект ее любви, мужчина, заменивший меня в ее жизни, не кто иной, как джентльмен, живущий в соседнем доме, наш многоуважаемый мистер Картрайт. Он специально поднял такой шум вокруг собаки, чтобы выманить меня из дома и без помех увезти мою жену.

– Ну что ж, – пробормотал Мейсон, обращаясь к Пембертону, – значит, он не псих. И хитер как лис.

Фоули побледнел.

– Оставьте ваши замечания при себе, сэр. Я терплю вас из вежливости.

– Я представляю моего клиента, – невозмутимо ответил Мейсон. – Вы обвинили его в том, что он сумасшедший, и обещали представить доказательства. И я приехал сюда, чтобы ознакомиться с ними. Так что ваша вежливость здесь ни при чем.

Фоули посмотрел на Пембертона:

– Мы должны наказать эту свинью. Не сможем ли мы добиться его ареста?

– Вероятно, да, но решение должен принимать прокурор округа. Вы уверены, что она убежала с Картрайтом?

– Она написала об этом. Прочитайте сами.

Фоули сунул записку в руку Пембертону и, отойдя к окну, закурил.

Мейсон подошел к помощнику шерифа, и они прочитали следующее:

«Дорогой Клинтон!

С большой неохотой я сделаю этот необходимый шаг. Я уважаю твою гордость и постаралась сделать все так, чтобы причинить тебе как можно меньше боли. В конце концов, я видела от тебя только добро. И думала, что люблю тебя. Я верила в это до самых последних дней, пока не выяснила, кто наш сосед. Сначала я рассердилась или, вернее, подумала, что сержусь. Он шпионил за мной с биноклем. Мне следовало сказать тебе об этом, но что-то заставило меня промолчать. Я

захотела повидаться с ним, и пока тебя не было, мне это удалось.

Клинтон, притворяться дальше не имеет смысла. Я не могу оставаться с тобой. Я не люблю тебя, это было лишь минутное увлечение.

Ты просто большой и красивый зверь. Я знаю, что происходило в доме за моей спиной, но не виню тебя, потому что вина, скорее всего, не твоя. Но любить тебя я больше не могу. Возможно, я не испытывала этого чувства, а поддалась твоим чарам. Короче, я уйду с ним.

Я приняла меры, чтобы мое исчезновение не получило широкой огласки. О своих намерениях я не сказала даже Телме Бентон. Ей известно лишь то, что я взяла чемодан и уехала. Можешь сказать ей, что я поехала к родственникам.

Я не сержусь на тебя. Ты выполнял любое мое желание. Но мне не хватало любви, той любви, которую даст мне он. Я уйду с ним и знаю, что буду счастлива.

Пожалуйста, постарайся меня забыть. Поверь мне, я желаю тебе только добра.

Эвелин».

– Она не упомянула имя Картрайта, – прошептал Мейсон.

– Нет, – согласился Пембертон, – но она называет его соседом.

– И еще в этом письме...

В этот момент к ним подошел Фоули. Его глаза сверкали холодной яростью.

– Послушайте, – начал он, – я богатый человек. И потрачу все, до последнего цента, но накажу этого мерзавца. Он сумасшедший, как и моя жена. Этот человек разрушил мой дом, обвинил меня в нарушении закона, обманул, предал меня, и, клянусь Богом, он за это заплатит! Он предстанет перед правосудием и получит сполна. За все!

– Хорошо. – Пембертон протянул письмо Фоули. – Я должен доложить обо всем помощнику окружного прокурора. Вам лучше поехать со мной. Доркас посоветует вам, с чего начать. А потом вы сможете обратиться в какое-нибудь частное детективное агентство.

– Я хотел бы позвонить по телефону, – сказал Мейсон.

– Позвоните, – буркнул Фоули. – А потом можете убираться отсюда.

– Благодарю за разрешение.

Глава 5

– Делла, это Мейсон. Я звоню из дома Клинтона Фоули, владельца собаки, чей вой досаждал Картрайту. Ты связалась с ним?

– Нет, шеф, – ответила Делла. – Я набираю его номер через каждые десять минут, но никто не берет трубку.

– Понятно, – вздохнул Мейсон. – Я думаю, что тебе никто не ответит. Похоже, что жена Фоули убежала с нашим клиентом.

– Что?

– К сожалению, это так. Она оставила Фоули записку. Он в ярости и хочет добиться ареста Картрайта. Сейчас он и Пембертон едут к помощнику окружного прокурора.

– А на каком основании они получают ордер на арест? – спросила Делла. – Как мне кажется, Картрайт не нарушил закона.

– Ну, они что-нибудь отыщут, – улыбнулся Мейсон. – Хотя бы для того, чтобы спасти честь мундира. Видишь ли, Картрайт использовал собачий вой как предлог, чтобы выманить Фоули из дому. И пока тот беседовал с помощником окружного прокурора, умыкнул его жену. Естественно, Доркасу это не понравится. Газеты с радостью схватятся за эту историю.

– Разве газеты о чем-то пронюхали?

– Не знаю, но я буду продолжать заниматься этим делом. Я позвонил, чтобы сказать, что ты не застанешь Картрайта дома.

– Вы едете в контору?

– Приеду, но не сразу.

– Хотите повидаться с Доркасом?

– Нет. Не ищи меня, я сам позвоню тебе. А пока сделай следующее. Свяжись с детективным бюро Дрейка и скажи Полу, чтобы он бросил все, немедленно ехал к нам и ждал меня. Повторяю, он должен приехать сам.

– Хорошо, – ответила Делла. – Что-нибудь еще, шеф?

– Пока все. До встречи.

Положив трубку, Мейсон повернулся и увидел стоящую рядом миссис Бентон.

– Мистер Фоули велел проводить вас до дверей, – сказала она.

– Прекрасно, – улыбнулся Мейсон. – Я сейчас уйду, но если хотите, вы можете заработать двадцать долларов на карманные расходы.

– Мне вполне хватает жалованья, – ответила она. – Позвольте проводить вас.

– Я готов обменять фотографию миссис Фоули на двадцать долларов. Даже на двадцать пять.

– Мне приказано проводить вас до дверей, – холодно повторила она.

– Вероятно, вы скажете мистеру Фоули, что я пытался вас

подкупить?

– Мне приказано проводить вас до дверей.

Они направились к выходу.

– Зачем вам фотография миссис Фоули? – неожиданно спросила домоправительница.

– Чтобы знать, как она выглядит.

– Думаю, у вас есть какая-то другая причина.

Мейсон хотел что-то ответить, но звякнул звонок, и миссис Бентон побежала к двери, в которую, едва она открыла ее, сразу ввалились трое мужчин. Мейсон отступил в тень.

– Здесь живет Клинтон Фоули? – спросил один из них.

– Да.

– У него служит китаец по имени А Вонг?

– Да.

– Отлично. Мы хотим с ним поговорить.

– Он на кухне.

– Отведите нас к нему.

– Но кто вы?

– Мы из иммиграционной службы. Нам сообщили, что А Вонг незаконно въехал в нашу страну. Идемте.

Мейсон последовал за ними, но заходить в кухню не стал.

– Здравствуй, А Вонг, – донесся до него мужской голос. – Где твой вид на жительство?

– Не понимай.

– О, ты все понимаешь. Где твои бумаги?

– Не понимай! – отчаянно выкрикнул китаец.

Послышался добродушный смех.

– Ладно, А Вонг, пошли с нами. Покажи, где ты спишь. Мы осмотрим твои вещи. И поможем тебе найти вид на жительство, если он у тебя есть.

– Неужели вы не можете подождать мистера Фоули? – возмущенно воскликнула миссис Бентон. – Я думаю, он поможет А Вонгу. Мистер Фоули – богатый человек и заплатит любой штраф.

– Ничего не поделаешь, сестричка, – возразил один из мужчин. – Мы давно ищем А Вонга, и ему не удастся отделаться штрафом. Его тайком доставили из Мексики, и теперь нашего А Вонга ждет дальняя дорога – до самого Китая. Пошли, А Вонг, собирать пожитки.

Мейсон повернулся и направился к двери. Выйдя во двор, он пересек ухоженную лужайку, подошел к дому Картрайта и, взбежав на крыльцо, нажал кнопку звонка, а затем забарабанил в дверь кулаками.

Наконец до него донесся слабый звук шаркающих шагов, и кто-то откинул шторку, закрывающую маленькое окошко в центре двери. Изможденное лицо с угасшими глазами прикикло к стеклу. Щелкнул замок, и дверь открылась.

Перед Перри Мейсоном стояла высокая худая женщина лет пятидесяти пяти, с тонкими губами, заостренным подбородком и длинным носом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.